

Въ ризницѣ церковной хранятся: крестоуъ папрестольныхъ серебряныхъ, изъ коихъ одинъ вѣсомъ 30 ф. 54 золот., три; чапъ съ принадлежностями три; особо дискосовъ два; полудискосовъ одинъ, Евангелій пять. Въ числѣ Евангелій, одно писано 1743 года, при королѣ Августѣ III, папѣ Венедиктѣ XIII, при униатскомъ епископѣ Флоріанѣ Гребницкомъ, тѣцаніемъ Николая Чернобровки; Евангеліе это первоначально было пожертвовано въ Витебскій Успенскій соборъ.

Между предметами, относящимися ко временамъ униі и имѣющимъ историко-археологическое значеніе, болѣе другихъ замѣчательны:

а) Черная деревянная доска, на которой написаны имена лицъ, внесшихъ въ свое время вклады на вѣчное поминовеніе; списокъ этихъ именъ начинается такими, имѣющими въ настоящее время особое значеніе, словами:

#### Obligacie

Wieczne zakrystyi Bazyliansky Witebsky codzienne Litancia funduszowa do blagoslawionego Iozefata męczenika arcybiskupa Polotekiego.

#### Tygodniowe

Za dusze Adama Kisila, Podkomorzego witebskiego fundatora, и т. д.

б) Два каменныхъ антиминса, съ рѣзными на крышкахъ надписями, именпо: Ао: 1746, а на сдѣланномъ изъ бѣлаго мрамора—Аппо: 1746. Первый изъ антиминсовъ, или лучше, ковчеговъ для антиминса, въ длину и ширину по  $7\frac{6}{8}$  англійскихъ дюйма, а въ высоту  $3\frac{7}{8}$  дюйма, а послѣдній, при такихъ же длинѣ и ширинѣ, въ  $3\frac{1}{2}$  дюйма высоты. Крышки обоихъ антиминсовъ привинчиваются четырьмя медными гайками.

в) Но самый любопытный памятникъ покойной униі, имѣвшій въ

свое время громадное влияние на массы простодушныхъ Белоруссовъ, это—серебряный ковчежецъ, будто бы съ ручной костью Іосафата Кушцевича, или, какъ говорилъ народъ, съ мощами. Мы скажемъ объ немъ подробнѣе.

Ковчегъ этотъ имѣетъ форму гроба—въ длину 16, въ ширину 8, въ высоту до крыши 6, а съ крышей 9 англійскихъ дюймовъ; съ лицевой стороны его вставлено стекло; на верху крышки поставлена серебряная фигура, высотой въ 4 дюйма, изображающая Іосафата Кушцевича, держащаго въ лѣвой рукѣ жезлъ, а правою благословляющаго; въ главу архіепископа воззень бердышъ. Стоящій на колѣняхъ, съ правой стороны, ангелъ подаетъ Кушцевичу державу, а стоящій съ лѣвой трубными звуками возвыщаетъ міру о его печальной кончинѣ и небывалыхъ добродѣтеляхъ. Барельефы крышки представляютъ эпизоды изъ вѣстной кончины этого архіепископа, именно: лѣвый, съ лицевой, изображаетъ тотъ моментъ, когда Кушцевичъ, облаченный въ архіепископское одѣяніе, принимаетъ въ Успенскомъ соборѣ ударъ бердыша въ голову; правый—влеченіе убиіцами тѣла его съ Лысой горы въ рѣку Западную Двину; правый, съ боковой, поруганіе церковной святыни, разрушеніе престола, низверженіе съ него чаши съ Святymi Дарами и прочихъ принадлежностей. На первомъ, съ задней стороны, представленъ тотъ моментъ, когда рыбаки, привязавъ къ ногамъ и шеѣ уже мертвaго Кушцевича камни, бросаютъ тѣло его въ волнующуюся Двину; второй изображаетъ картину вынутія тѣла; наконецъ послѣдній, т. е. лѣвый, боковой—гробъ архіепископа, съ горящей предъ нимъ свѣчей.

На задней стѣнкѣ самаго ковчежца имѣются два барельефа; въ одномъ изъ нихъ представленъ образъ Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ; съ одной стороны образа стоитъ Іосафатъ Кушцевичъ, а съ другой неизвѣстный Святитель, въ епископскомъ облаченіи; другой барельефъ представляетъ того же Іосафата, въ сіяніи славы, покрывающаго распахнутыми полами своей святительской мантии множество разнаго званія народа.

На малыхъ боковыхъ стѣнкахъ выбиты розетки, съ такими надписями:

|    |        |
|----|--------|
| Ві | К      |
| OD | BM     |
| А  | Рет V. |

Внутри ковчега, на хлопчатой бумагѣ, покрытой малиновымъ бархатнымъ воздушкомъ, лежала локтевая кость, вложенная въ кожу желтоватаго цвѣта; къ кожѣ приклеенъ листокъ бумаги, съ надписью:

Ex opibus B. M. Iosaphat  
Archieppi. Polocensis.

За времена уніи, когда этотъ прахъ почитался за святые мощи,

кожаный мѣшечикъ, въ которомъ находится кость, былъ набитъ хлопчатой бумагой, что сообщало ему видъ локтевой части руки; обманъ этотъ, при воссоединеніи уніатовъ, разоблаченъ, а на память потомству оставлена, какъ кость съ кожей, хлопчатая бумага и воздушнѣкъ, такъ и самый ковчежецъ и небольшой красного дерева столикъ, на которомъ, на престолѣ Витебскаго соборнаго храма, стояла когда-то эта мнимая святость, а въ сущности орудіе ксендзовъ, для оббиранія въ свою пользу простодушнаго и въ отечественной исторіи несвѣдущаго Бѣлорусскаго народа.

Слава Богу, что это несчастное время миновало, и что мы можемъ открыть глаза нашей меньшей братинѣ и тѣмъ избавить ее отъ соблазна и обмана.

Здѣсь мы невольно должны прервать нить нашего повѣствованія о Тадулинскомъ монастырѣ и удержать вниманіе читателей на предметъ, на который невольно наталкиваешься при самомъ легкомъ обзорѣ мѣстныхъ храмовъ, историческихъ памятниковъ и даже просто при описаніи городовъ. Мы говоримъ объ Іосафатѣ Кунцевичѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, вотъ уже третій годъ, какъ мы занимаемся изслѣдованіемъ мѣстной старины и сколько разъ намъ приходилось упомянуть объ этомъ въроотступникѣ и гонителѣ православія, возведенномъ, самовластіемъ папъ Урбана VII и Пія IX, по видамъ политическимъ, сперва въ блаженные, а послѣ я въ святые, и конечно мы далеко еще не исчерпали тѣхъ о немъ свѣдѣній, какія представляютъ разнородные, повсемѣстно щедрой рукой ксендзовъ и польскихъ папъ разстѣланные, памятники, да и едва ли этотъ источникъ скоро изчерпается. Такъ, мы встрѣчались съ Іосафатомъ Кунцевичемъ въ костелахъ, напримѣръ въ Витебскомъ, гдѣ посвященъ ему особый престолъ, находили слѣды этого архіепископа, гонителя православія, въ православныхъ же храмахъ и монастыряхъ, въ образѣ статуи, перелѣанныхъ образахъ, въ хвалебныхъ восклицаніяхъ акафистовъ, видѣли изображеніе личности его въ святилищѣ наукъ и, наконецъ, изъ пыли архивной доходилъ до насъ голосъ неподкупнаго суда ближайшихъ ко временамъ Кунцевича предковъ нашихъ.

Какимъ представляется Кунцевичъ въ олтаряхъ костела и въ уцѣлѣвшихъ памятникахъ старины нашихъ православныхъ храмовъ, о томъ, въ своемъ мѣстѣ, мы говорили въ историческомъ и статистическомъ описаніяхъ Витебска, напечатанныхъ въ Памятной Книжкѣ Витебской губерніи за 1864 и 1865 годъ<sup>(7)</sup>; теперь укажемъ, какимъ онъ является на портретѣ, хранящемся въ Полотской семинарской библіотекѣ и какимъ изображенъ въ древнихъ актахъ.

(7) См. Памятныя книжки Витебской губерніи: за 1864 годъ, страницъ съ 49 по 63 и съ 71 по 74, и за 1865 годъ, часть 1-я, страницы 135, 136 и 137, 173, 174 и 193.

На семинарскомъ портретѣ Іосафатъ изображенъ въ епископскомъ облаченіи, которое отличается отъ пышнѣйшаго разнѣжными рукавами и длиннымъ омофоромъ; повидимому ему лѣтъ сорокъ, волосы на головѣ, бровяхъ и бородѣ свѣтлорусые, глаза каріе, носъ длинный, прямой; въ голову впяченъ бердышъ. Портретъ окружаетъ синяя рисованная рамка, наверху которой помѣщенъ, въ лежачемъ положеніи, ангелъ, съ короной въ рукахъ, по сторонамъ и внизу изображены также ангелы, изъ коихъ стоящій на правой сторонѣ держитъ лѣвой рукой епископскій жезлъ, католической формы, а стоящій на лѣвой сторонѣ освѣщаетъ главу Іосафата цвѣточнымъ вѣнкомъ.

Изъ двухъ, помѣщенныхъ внизу портрета, ангеловъ—одинъ представленъ держащимъ бердышъ, а другой—пальмовую вѣтвь. Правая рука Іосафата покончена на груди, а лѣвая держитъ пальмовую вѣтвь. На приклеенной на оборотѣ портрета бумажкѣ напечатано:

«Величаемъ ты, священномучениче Христовъ Іосафате, и чтѣмъ честныя страданія твоя, яко же за соединеніе претерпѣлъ еси»; далѣе четыре стиха изъ псалмовъ.

Но если католики и униаты окружили портретъ Кунцевича атрибутами, приличными только святымъ, то ближайшее къ нему почитаніе, которому были еще слишкомъ памятливы дѣйствія этого гошителя православія и русской народности, изображало его ведомымъ чертями въ адъ.

Въ Полотской градекой книгѣ 1667 года записана жалоба униатскаго митрополита Гавріила Коленды на православныхъ жителей города Вильны, за распространеніе ими насмѣшекъ и каррикатуръ, по случаю перенесенія тѣла Іосафата Кунцевича изъ Вильны въ Полотскъ, въ которой именно сказано, что православные жители Вильны писали и разбрасывали по городу «картинки и стихи, изображая въ оныхъ епископа униатскаго, съ торжествомъ ведомаго въ адъ, какъ и дѣйствительно былъ нарисованъ блаженный мученикъ и проклятые черти, ведшіе его въ адъ»<sup>(8)</sup>. Актъ этотъ служитъ неоспоримымъ доказательствомъ того, что православное населеніе Литвы и Бѣлоруссіи всегда протестовало противъ насильственно навязанной имъ Поляками униіи, и что ненависть благочестивыхъ къ притѣснителю и оскорбителю православія Іосафату Кунцевичу, заплатившему за свою жесто-

кость и измѣну вѣрѣ отцевъ смертію, не прекращалась очень долго, не взирая на ревностно распространяемую католическимъ духовенствомъ ложь о мнимой святости, петлѣнии и чудесахъ этого бича православія.

Чѣмъ же должно почитать дѣйствія нынѣ господствующаго папы

Пія ІХ, селящагося навязать Литвѣ и Бѣлоруссіи новаго лже-святаго, желающаго воскресить давно потухшія религіозныя волненія; какъ не злонамѣренной пропагандой противъ нашего отечества и вѣры? Не зачѣмъ и говорить, пишетъ Вѣстникъ Западной Россіи<sup>(\*)</sup>, что канонизація Кунцевича не прибавила ни на волосъ святости ему самому; не увеличила *de facto* цифры святыхъ и одною единицею, не возвеличила папства, не унизила православія. Это потому, что Кунцевичъ извѣстный грѣшникъ, умершій безъ покаянія, и даже не выполнъ папистъ: онъ только полурелегатъ православія, освященный за одно признание надъ собою главенства папы. И Пій ІХ, причисляя къ святымъ Кунцевича, не столько хлопоталъ объ немъ самомъ, о папствѣ, о притязаніяхъ своихъ на господство его въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, сколько о демонстраціи противъ Россіи и православія, объ указаніи въ мнимомъ мученикѣ новаго патрона и молитвенника Польшѣ. Это наглядно открывается изъ хода послѣднихъ событій: сначала о. святой «благословляетъ и поощряетъ» (слова епископа орлеанскаго Дюнанлу) возстаніе и рѣзню поляковъ, потомъ, когда дѣла ихъ пошли (какъ и должно было случиться) слишкомъ дурно, началъ горячиться, бранить, проклипать Россію; но когда и это тупое оружіе Пія ІХъ выказало только безсиліе Ватикана и анахронизмъ его боевыхъ приѣмовъ, онъ попадаетъ въ тактъ польскихъ пѣтистовъ мистиковъ, думающихъ возстановить старую Польшу посредствомъ молитвы, и сочиняетъ имъ новаго святаго, молитвами котораго Польша непремѣнно возвратитъ, по его мнѣнію, свои границы 1772 года. Не будь польскаго бунта или окончись этотъ бунтъ иначе, — и папскій рай быль бы бѣднѣе однимъ святымъ, и Кунцевичу не попытатъ бы обратной, чрезъ Египетъ, эмиграціи. Не святость жизни, не смиреніе христіанское, не любовь къ Богу и ближнему Кунцевича заставили папу произвести его въ святые, а папская политика, человѣческія страсти; не чудеса или нетѣпніе мощей вызвали канонизацію его, а пропаганда, злость и демонстрація; не для молитвы объ отпущеніи грѣховъ и спасеніи душъ сочиненъ новый святой, а для того, чтобы имѣть, такъ сказать, новаго папскаго нунція, политическаго интриганта и врага православія и па небы.

Но, если папѣ вольно уніатскаго грѣшника превращать въ общелатинскаго священномученика, если ему вольно навязывать Россіи непрощеннаго ея святаго; то намъ вольно, то на насъ лежитъ даже обязанность воспретить кому бы то ни было признавать его таковымъ во всей Русской имперіи, не позволять, въ честь гошителя нашей вѣры и народности, сочинять, перевозить черезъ границу и отправлять какія либо особыя службы, затѣвать процессіи, отпусты и тому подобныя уловки пропаганды. Пусть себѣ въ Римъ и гдѣ угодно цокло-

пліються истукану, по у себя дома мы не можемъ позволить этого  
идолослуженія; направленаго къ поруганію надъ нашимъ святымъ  
православіємъ, къ узаконенію и освященію нашей православной вѣры  
пришлою доктриною человѣческой (10).